

ЗА ВОИНСТВУЮЩИЙ МАРКСИЗМ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
Л И С Т О К

кружка экономического факта и ячейки содействия
об-ву воинствующих материалистов-диалектиков Л.П.И № 3

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:
проф. Я. Н. Берзтыса
и Л. М. Шрвиндта,
доц. И. Х. Слущкина
и студ. И. Безуглова
и И. Селихова.

Четверг 26 декабря
1929 г.

О задачах ячейки содействия общества воинствующих материалистов-диалектиков

Широкие массы студенчества имеют весьма смутное представление о том, что такое общество воинствующих материалистов-диалектиков (ОВМД) и какие цели оно преследует. Это объясняется тем, что общество лишь недавно образовалось (всего год тому назад). Поэтому нам кажется необходимым, прежде чем перейти к изложению задач институтской ячейки ОВМД, коротко остановиться на причинах возникновения и задачах общества в целом.

ОВМД И ЕГО ЗАДАЧИ *

Всегда в истории человеческого общества классы и группы, теряющие последнюю основу своего существования, свои экономические и социальные корни, оказывали бешеное сопротивление тем, кто эти корни подкапывал. Наше социалистическое наступление, рост обобществленного сектора хозяйства, постепенное вытеснение частного торговца, напмана, борьба с кулачеством и одновременная работа по социалистическому переустройству в деревне и т. д., — все это подрывает последнюю социальную базу капиталистических и полукapиталистических элементов в стране и в то же время вызывает усиленное сопротивление с их стороны (такова диалектика капиталистических элементов, с отчаянием обреченности цепляющихся за существование).

Эта противоречивость развития обуславливает на переживаемом этапе на некоторый период времени и в определенных пределах, то положение, что рост социализма сопровождается усилением и обострением классовой борьбы в стране. «Мелкобуржуазная, кулацкая, националистическая идеология, индивидуалистические, субъективистские настроения городского мещанства, интеллигенции, вулгарный практицизм, позитивизм и пренебрежение к теории, религиозная пропаганда и возрождение сектантства. — все это является ярким показателем того, что обострение классовой борьбы в экономике и политике неминуемо отлагается в надстройках и обостряет борьбу на идеологическом фронте».

«Выстраивающемуся против нас идеологическому фронту, всем открыто антимарксистским ревизио-

нистским выступлениям мы должны противопоставить сплоченный, боевой, воинствующий марксистско-ленинский фронт».

Такой организацией является ОВМД, которое образовалось в результате слияния общества воинствующих материалистов и общества материалистических друзей гегелевской диалектики. Общество воинствующих материалистов возникло в 1924 году. Это общество объединяло всех примыкавших к марксизму, а не только последователей диалектиков материалистов. На первом этапе своей деятельности оно занималось борьбой не столько за диалектический материализм, сколько за материализм вообще. Поэтому возникло общество материалистических друзей гегелевской диалектики, идейно более монолитное и непримиримое. Общество МДГД оказалось настолько жизненной организацией, что возник вопрос о слиянии этих обществ и создании единого органа, марксистского центра, объединяющего всех, стоящих на точке зрения диалектического материализма и ставящего своей задачей разработку пропаганды и защиты диалектического материализма.

Организация общества оказалась вполне своевременной. Тот размах работы и значение, которые приобрело общество за такой короткий промежуток времени, далеко превосходили самые смелые предположения и предсказания. Общество является выдержанной марксистской организацией, и как таковое, оно должно стать массовой организацией. Стихийная тяга во всех областях СССР к образованию отделений и ячеек общества, массовое движение, возникшее вокруг материалистической диалектики, движение, которое подчас перехлестывает через организационные возможности; то обстоятельство, что уже через несколько месяцев организации общества на местах стали естественными научно-марксистскими центрами. — все это показывает, что все предпосылки к будущему росту и развитию общества налипли и что на долю ОВМД выпала величайшая культурно-политическая роль, которую трудно даже сейчас учесть. ОВМД должно стать на местах центром научно-марксистской работы и основным опорным пунктом партии в ее идеологической борьбе.

Маркс говорил следующее: Эпоха диктатуры пролетариата нужна не только для технической реконструкции, но и для перделки человеческого материала, она состоит в перделке людей и вещей. Вслед за Марксом и Лениным утверждал, что «Экономически и политически НЭП вполне обеспечивает нам возможность построения фундамента социалистической экономики. Дело «только» в культурных силах пролетариата и его авангарда». Итак «одной из важнейших задач социалистического строительства является переработка старого человеческого материала и воспитание нового человека. К этому сводятся, в конечном счете, проблемы культурной революции. Без успешного решения этой задачи коммунизма не построить, поэтому задача воспитания новых людей должно быть подчинено развертыванию и углублению всех отраслей культурного строительства. Для успешного построения социализма нам нужно воспитать людей основательно образованных и враждебных всяким чуждым идеалистическим и поповским бредням, опирающихся на революционный марксизм и умеющих владеть его методом — материалистической диалектикой, — как в области теоретической, так и в области практической... Воспитать такой тип людей легко. Слишком пенки еще навыки, традиции и мораль прошлого, слишком много еще даже у передового коммунистического отряда строителей родимых пятен старого мира» («Революция и культура», № 1, 1928 г.).

Центральной частью этой проблемы является «социализация мозгов», ломка, выкорчевывание старых консервативных представлений старого метода мышления. Правильно отмечали на 2-й конференции марксистско-ленинских учреждений, что основная масса населения живет и пользуется в значительной степени формально логическим, догматическим методом мышления и что огромное количество проблем задерживается в значительной мере в своем внедрении в общественное сознание тем, что метафизический метод мышления еще недостаточно преодолен. Особенно это ярко заметно в связи с антирелигиозной пропагандой. Поэтому лозунг «Материалистическая диалектика — в массы!» является весьма актуальным. Основной задачей ячейки групп содей-

* Подробное об ОВМД напечатано в «Под Знам. Маркс», № 6 за 1929 г.

стала ОВМД и является претворение этого лозунга в жизнь.

II. ЗАДАЧИ НАШЕЙ ЯЧЕЙКИ.

Как же преломляются эти общие цели и задачи в нашей вузовской действительности? Каковы задачи, стоящие перед нашей ячейкой?

На конференции марксистско-ленинских учреждений говорили, что «марксизм не только не стал знаменем наших Вузов, но мы ничего не сделали, чтобы это знамя водрузить». Конечно, это сказано несколько резко, но все же значительная доля истины здесь есть. И вот основным в работе ячейки и является борьба за решение этой задачи. Борьба на всех участках идеологического фронта в Вузе за распространение углубленного марксистского мировоззрения среди широких масс студенчества, за диалектический подход к постановке и решению различных вопросов. А что здесь предстоит борьба с различными антимарксистскими течениями и течениями — это, очевидно. Яростная борьба на идеологическом фронте отражается и в Вузе.

Давление на Вуз мелкобуржуазной (в основном) стихии все еще довольно значительно. Есть известные условия, создающие подчас благоприятные предпосылки для проникновения мелкобуржуазной идеологии в Вуз. К этому следует отнести прежде всего длительный отрыв студенчества от конкретной работы и участия в хозяйственном строительстве (в этом отношении НПП создает решающий перелом, результаты которого несомненно скажутся в ближайшее же время); разнородный состав студенчества, значительную категорию крестьян, служащих и проч., приносящих подчас в Вуз отголоски идеологически чуждых идей и идеок, индивидуалистические настроения и проч., быть может в значительной степени несознанных и окрашенных иногда в «сто процентный» марксизм. Все это вместе с недостаточной теоретической марксистско-ленинской подготовкой объясняет наличие элементов антимарксистской идеологии в Вузе. Наряду с явно антимарксистскими идеями надо отметить наблюдающееся подчас упорное, вульгарное понимание марксизма, чрезвычайно просто разрешающее все вопросы, претендующее на ортодоксальность, но ведущее на самом деле к дискредитации марксизма.

Для доказательства того, что все это имеется и у нас в ЛПИ, можно сослаться на ряд фактов, освещенных в нашей печати (в «Товарище» и в стенгазетах), на ряд диспутов и докладов, на которых высказывались иногда антимарксистские положения, подчас даже сочувственно встречаемые аудиторией.

Особенно актуальной в наших условиях является борьба против дедачества, пренебрежения к теории, узкого практицизма, идейно-политическим выражением чего является теория технического социализма, — представление о процессе построения социализма как о

технической проблеме эволюционного развития производительных сил, забвение конечных целей и международных задач нашей революции, недооценка классовой борьбы и т. д. Дедачество проявляется в самых различных формах, подчас кажущихся безобидными. Это — углубление в академизм, притупление интереса к вопросам международной жизни и явлениям внутри нашего Союза; нерегулярное поверхностное чтение общественно-политической литературы и т. п.; нежелание работать над собой, над выработкой своего мировоззрения; рассуждение насчет того, что изучать марксизм еще успеется, и откладывание этого на неопределенное будущее. Изучение марксизма не идет подчас дальше усвоения и шеголяния марксистской терминологией. Забывают, что посещение обязательных занятий по общественным дисциплинам не исчерпывает изучения марксизма. Кроме того сплошь и рядом получается разрыв между общественными дисциплинами и техническими предметами, неумение увязать их в одно целое. От посещения общественных предметов не ставшая органическим элементом остается подчас сумма фактов мировоззрения и не связанная со всей жизнью, практикой и поведением студента.

Марксизм нельзя «выучить». Марксистское мировоззрение развивается в течение всей жизни и деятельности и в результате систематического изучения классиков марксизма (особенно их метода, который является душой их мировоззрения). Марксистское мировоззрение не есть нечто данное, неизменное. Наоборот, в процессе работы, в процессе развития более углубленного понимания природы и общественных явлений углубляется и марксистское миропонимание, которое оказывает благоприятное влияние на всю работу в какой-нибудь области. Нужно, наконец, покончить с предрассудком, что марксистский метод — материалистическая диалектика — есть достояние только общественных наук. МД есть всеобщая методология наук и руководство к действию во всех областях; есть метод познания мира и самого себя, но познание не ради познания, а для изменения.

Очень ярко обрисовал это А. М. Деборин на конференции: «Мы не книжные марксисты, — говорит Деборин, — мы стремимся осмыслить нашу эпоху и наше социалистическое строительство, мы, кажется, поняли, где центральный пункт, центральный узел, в который увязываются теоретически решительно все проблемы нашего социалистического строительства и всей нашей жизни. Это есть, прежде всего, материалистическая диалектика. Наша эпоха раскрывает новые типы связей, новую форму взаимоотношений между явлениями в общественной жизни прежде всего. И вот естественно, что мы в качестве марксистов стремимся осознать самих себя, свою собственную работу, свою собственную деятельность и свою

эпоху». Всемирная пропаганда этого положения и является задачей ячейки.

Из всего вышесказанного, мне кажется, с полной очевидностью вытекает необходимость для всех студентов без различия специальной подготовки изучения марксистского метода, работа над своим мировоззрением. Этого требуют интересы их будущей работы, их практической деятельности и их положения, как передового отряда на фронте культурной революции. Без этого они красивыми и прекрасными специалистами не будут и не справятся в полной мере с задачами, стоящими перед ними.

Не могу здесь же не остановиться на одном вредном заблуждении, имеющемся у некоторых товарищей. Это — представление о ячейке, как о каком-то философском кружке, единственная задача которого заключается в разработке и изучении философских проблем.

«Общество воинствующих материалистов, — говорит Деборин, — это — философский институт, это — общество, которое объединяет марксистов, которые занимают правильную марксистско-ленинскую позицию, в каких бы областях они ни работали». Это тем более справедливо по отношению к ячейке содействия обществу, существенным элементом в работе которых является, как уже было сказано, кроме самообразовательской работы, выявление и борьба со всякими идеологическими извращениями в вузах как в области теории, так и практики. Особенную важность приобретает в наших условиях работа ячейки в области естествознания (работа на физико-механическом фте и физико-техническом ин-те). Но об этом из-за недостатка места я здесь не буду распространяться. Этот вопрос будет разработан в особой статье в следующем номере листка в связи с итогами 2-й конференции. Там же будет отчетливо поставлен вопрос о работе среди профессорско-преподавательского персонала.

Нечего и говорить, что все эти задачи ячейка может осуществить только в том случае, если будет тесный контакт и поддержка со стороны партийных, комсомольских и профсоюзных организаций ин-та. Вся работа ячейки, — это подчеркнута и в уставе, — должна протекать под контролем и руководством партийных организаций, и ячейка должна стать, подобно обществу, основным опорным пунктом партии в ее работе на идеологическом фронте в вузе. В рационализации вуза, в той революционной перестройке всей вузовской действительности, которая не может не сопровождаться борьбой со старыми традициями, привычными методами и т. п., в марксизации учебных планов, в подготовке ячейка должна принять самое активное участие. Прожектором материалистической диалектики ячейка должна осветить и переплавить (поскольку это в ее силах) все отрицательные стороны нашей вузовской жизни.

О работе ячейки содействия ОВМД ЛПИ

I. Работа ячейки за истекший период времени

Что делала ячейка в прошлом году, что она делает теперь?

Официальная дата образования всесоюзного ОВМД — 31 декабря 1928 года (утверждение устава). Ленинградское ОВМД образовалось, примерно, в апреле 1929 года. Надо сказать, что общественность института очень быстро откликнулась, и уже через два, примерно, месяца состоялось собрание инициативной группы, на котором был заслушан доклад М. Л. Ширвиндта и выбран президиум. Это собрание было 3-го июня 1929 года. Понятно, что в прошлом году президиум смог только определить основные направления для работы в 1929-30 году, но ни к какой конкретной работе приступить не мог.

В этом году развернуть работу с самого начала года не представилось возможным в виду партийной чистки (закончившейся только в ноябре) и значительного количества перевыборов и отчетных собраний общественных организаций института. Итак, массовую работу ячейки (если не считать работы некоторых кружков, которые уже начали работать) можно развернуть только с декабря. Все же за это время президиум провел всю необходимую подготовительную работу.

Заседаний президиума за это время было 4. В своей работе президиум встретил ряд организационных трудностей, т. е. дело было совершенно новое и многие вопросы приходилось самим ставить и решать. На правлении общества был поставлен доклад президиума и ряд наших предложений был принят и проводится в жизнь (например, о членских взносах, о структуре ячейки, о создании гор. центра для руководства работой ячейки содействия).

Другой работой президиума была выработка плана работ ячейки на 29/30 год. Некоторые элементы плана уже отчасти реализуются (начали работать кружки, договорились с докладчиками, приняли участие в издании научно-теоретич. листка и пр.). Сильно затрудняло работу президиума то обстоятельство, что в силу объективных причин некоторые члены президиума не смогли активно работать и вся работа падала на одного-двух человек. Недавно выбран новый президиум, и надо думать, что работа теперь пойдет полным ходом.

II. Основные моменты плана работ ячейки

План работ должен строиться на основе учета всех конкретных возможностей и особенностей нашей действительности. Особенно важной в работе ячейки является полная увязка с работой других общественных организаций (напр., с

работой культуркомиссии, ячейкой безбожников, научно-технич. кружков и т. п.). Только при помощи всех институтских организаций, с одной стороны, и участия ячейки (членов ячейки) в работе этих организаций, с другой стороны, смогут быть выполнены стоящие перед ячейкой задачи.

Оргработа ячейки. Ближайшей задачей является: произвести перерегистрацию членов (анкеты уже распространяются через НТК), установить дежурства, окончательно оформить и распределить обязанности президиума, оформить отделения ячейки на факультетах, разработать конкретные планы работ по отдельным отраслям работы и на факультетах и связаться с институтскими организациями.

Очень важной для плодотворной работы ячейки и для углубленной пропаганды марксизма в институте является организация кабинета марксизма-ленинизма. При кабинете необходимо наладить консультации не только ячейковые, но и академические (для выдвиженцев, для прорабатывающих истмат самостоятельно и т. д.), сделать его базой самообразовательской работы, обеспечить кабинет регулярно выписываемой марксистской литературой по всем отраслям и целиком обеспечить ею работу кружков и консультаций.

Массовая работа. Собрания ячейки намечено созывать в среднем раз в месяц. Предполагается поставить следующие темы: 1) Философские корни правого уклона; 2) Проф. Ширвиндт — «Проблема закономерности и современная физика»; 3) Генинмана — «О предмете диалектики»; 4) Проф. Никольский — «О статистическом методе и диалектике»; 5) О спорных вопросах истмата; 6) Проблема материи; 7) Марксизм и техника.

Кроме того совместно с факультетскими НТК будут ставиться доклады и диспуты по специальным вопросам. Так, например, на физико-механич. и химическом ф-тах намечены следующие доклады-диспуты: 1) Теория относительности и диалектический материализм; 2) Диалектика химии; 3) Диалектический метод в математике.

Необходимо также освещать всю работу ячейки и вести пропаганду и борьбу за диалектический материализм в печати.

Самообразовательская работа. Основная самообразовательская работа членов ячейки идет через кружки: 1) кружок диалектики природы на физико-механич. ф-те, 2) кружок диамата на химфаке, 3) по методологии в физико-техн. ин-те, 4) кружок диалектического материализма на электро-механич., 5) кружок повышенного типа по диалектике на экфаке, 6) кружок по социологии на экфаке.

Работа на производстве. Члены ячейки не должны быть книжными марксистами. Выработать марксистское мировоззрение можно

только в борьбе с чуждой идеологией и на проп. работе. Поэтому проп. работа является для членов ячейки на известной ступени обязательной. В работе ячейки должна быть выполнена директива о посылке 60—70 проц. студентов на производство. Наша ячейка должна стать застрельщиком по организации ячеек содействия на предприятиях, пропаганды марксизма, материалистического естествознания и борьбы за атеизм. По этой линии работа должна идти по единому плану и в полном контакте с ячейкой безбожников*). Подробнее вопрос о работе на производстве и связи с ячейкой безбожников будет освещен в специальной статье в ближайшем номере.

Вопрос о работе на производстве упирается в недостаток квалифицированных кадров, поэтому необходимо будет организовать методический кружок для руководителей мировоззренческих кружков на предприятиях.

В заключение надо указать, каким требованиям должны отвечать вступающие в ячейку содействия. В ячейку принимаются все студенты и преподаватели, стоящие на точке зрения диалектического материализма, проводящие его в своей научной и практической работе и повседневной жизни, активно работающие над распространением идей диалектического материализма и т. д.

Письмо в редакцию

Прошу поместить в вашем листке следующее заявление:

В моей статье помещенной в листке «За воинствующий марксизм» № 2 допущена следующая ошибка. Положение о том, что «не только связь между промышленностью и крестьянским хозяйством, но и связь между отраслями промышленности происходит при посредстве обмена и что если считать, что товарно-денежная форма является формой, а не существом, тогда нечего изучать и экономику переходного периода» — взятая мною из одной рукописной работы по советскому хозяйству, при тщательной проверке оказалось ошибочно приписанным Ленину.

Так как замечания Ленина по характеристике Советского хозяйства имеют решающее значение для анализа последнего, считаю нужным эту ошибку исправить. Однако, это не меняет по существу данной мною характеристики советской хозяйственной системы, как системы товарно-социалистической.

С тов. приветом Е. Ром.

И. Безуглов

Теория „организованного капитализма“ правых оппортунистов

(Окончание) *)

Таким образом, теория «организованного капитализма» считает, что капитализм в рамках отдельного государства изжил свои внутренние органические противоречия, за исключением непосредственной классовой борьбы. Исчезли рынок и товар, конкуренция, анархия производства, кризисы и т. д. Производство и распределение носят организованный характер: уже имеется аппарат, который руководит этим организованным производством. Таким образом, изменился весь характер капиталистических отношений.

Однако, эта теория совершенно неверна: она не соответствует современной капиталистической действительности.

Основной порок теории «организованного капитализма» заключается в том, что она трубо-механистична и представляет собой совершенно абстрактную схему.

Всякая абстракция правомерна постольку, поскольку все время имеется в виду, что эта абстракция есть одна из сторон сложного целого, и анализ ее ведется таким образом, что это конкретное целое постоянно имеется в представлении, имеются в виду все тенденции и противоречия, порождаемые данной тенденцией. В противном случае получится пустая бессодержательная схема, ни в коей мере не соответствующая конкретной действительности.

Именно это и получается с теорией «организованного капитализма». Из многообразной конкретной действительности она выхватывает только одну тенденцию — тенденцию к монополизации — и на основе только этой одной тенденции строит свою теорию. Она не замечает того, что в действительности эта тенденция связана с другими противоречивыми тенденциями капитализма, неизбежно порождает их и только с ним представляет единое конкретное целое. Понять движение капитализма можно именно только анализируя все его противоречивые тенденции.

Благодаря односторонней абстракции, благодаря своей недialeктичности теория «организованного капитализма» не отражает действительного движения капитализма и поэтому является совершенно неверной.

Вполне правильно, конечно, что в современном капитализме происходит процесс монополизации. Монополии часто охватывают целиком какую-либо отрасль промышленности. Они могут хотя бы приблизительно учесть спрос на товары и могут, поэтому, контролировать производство и сбыт. В этом смысле монополия уничтожает конкуренцию

и в значительной мере анархию производства в том виде, как она выражалась в эпоху свободной конкуренции, т. е. между отдельными единичными предприятиями.

В этом отношении монополия имеет также и то большое значение, что она в огромных размерах обобществляет процесс производства (в антагонистической, конечной форме) и приближает его к социализму.

Монополии сражаются с банками и образуют финансовый капитал, который играет огромную роль в современных империалистических странах.

Этот процесс монополистических объединений, наряду с другими чертами империализма, блестяще разобран Лениным в его работе «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Однако это только одна сторона монополистического капитализма. В нем с неизбежностью развиваются прямо противоположные тенденции.

На самом деле ни в одной стране нет такого положения, чтобы процесс монополизации объединил все народное хозяйство, все его отрасли. Империализм не изменил и не может изменить в корне все отношения, все специфические черты капитализма, а только обострил и углубил их, придав им иногда новую форму. Не уничтожен рынок и товар, не исчезла конкуренция, не преодолена анархия производства, кризисы и т. д.

Об отношении империализма к империалистическому капитализму Ленин говорил следующее:

«Империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще» («Империализм...», стр. 82).

«Империализм на самом деле не перестраивает и не может перестроить капитализма снизу доверху. Империализм усложняет и обостряет противоречия капитализма, «спутывает» со свободой конкуренции, монополии, но устранить обмена, рынка, конкуренции, кризисов и т. д. империализм не может».

«Не чистые монополии, а монополии рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами — вот существеннейшая особенность империализма вообще» (том 20, стр. 297. 3-е изд.).

Эти слова Ленина не оставляют никакого сомнения по этому вопросу. В них с изумительной резкостью и ясностью подчеркнут характер империализма, как высшей стадии капитализма вообще.

Как же обстоит вопрос о противоречиях капитализма в действительности?

Прежде всего необходимо иметь в виду, что при империализме ос-

тается товарное производство, сохраняется частная собственность на средства производства и господствует закон производства и присвоения прибавочной стоимости, т. е. остаются все основные особенности капитализма, как общественно-экономического строя. Маркс же в «Капитале» в отделах о производстве относительной прибавочной стоимости и тенденции нормы прибыли к понижению устанавливает следующий общий закон капитализма:

Каждый капиталист должен «ради одного только сохранения и под угрозой гибели» непрерывно технически совершенствовать производство. Это для него объективный закон, навязываемый ему всем механизмом капиталистического общества. Стремясь технически совершенствовать производство и в то же время производить как можно больше прибавочной стоимости, капиталисты в огромной степени развивают производительные силы. Но для капиталиста производство имеет смысл постольку, поскольку он производит и реализует прибавочную стоимость. Однако, условия производства и условия реализации прибавочной стоимости не тождественны. Капиталисты могут почти безгранично увеличивать производство, но это производство встречает ограничение в виде узких рамок потребительской способности населения, которые с необходимостью обусловлены капиталистическими отношениями производства и распределения. Таким образом, производительные силы вступают в конфликт с покупательной способностью на капиталистических основах.

И это противоречие все больше и больше обостряется с развитием капитализма. Капиталист не может не расширять производства, ибо вновь созданная прибавочная стоимость только тогда становится капиталом, когда она превращается в средство производства и функционирует в том виде. Это неизбежное стихийное развитие производительных сил вступает в кризисное противоречие с отношениями распределения при капитализме.

Маркс говорит, что развитие этого противоречия будет с необходимостью приводить к тому, что часть капитала не будет функционировать как капитал и, следовательно, известная часть средств производства будет бездействовать. Но необходимость бездействия какой-то части средств производства будет рождать жестокую борьбу между капиталистами. В этой борьбе будет решаться вопрос, кому из капиталистов придется ограничивать больше производство, а, следовательно, кому получать не полную прибыль или терпеть убытки или кому вовсе тер-

*) См. № 2 «За воинствующий марксизм».

петь крах. Известное равновесие между функционирующими и бездействующими следствиями производства установится именно только после такой **ожесточенной борьбы**. Это противоречие имеет общий характер для капитализма и будет все больше и больше обостряться.

Следовательно, взаимная борьба капиталистов конкуренция и анархия производства неизбежно должны усиливаться.

Современный, монополистический капитализм ничего не изменил в этом законе. Вместо борьбы отдельных капиталистов выступает теперь главным образом борьба могущественных монополий. Конкуренция, анархия производства и проч. принимают чудовищные размеры. Ярким подтверждением этого являются самые монополизированные страны: Германия и Соединенные Штаты.

В Германии и Соединенных Штатах, как и в других монополистических странах **анархия производства**, неорганизованность принимает новые формы. В Германии, например, даже внутри монополий существует неорганизованность и взаимная борьба. Основной формой монополий там являются картели. В картелях устанавливаются только условия сбыта товаров, а каждый капиталист остается собственником своего предприятия. Контингенты сбыта или так называемые квоты устанавливаются в зависимости от производительной способности предприятий. Благодаря этому каждый капиталист старается расширить свое предприятие с тем, чтобы обеспечить себе большую квоту. Возникающая вследствие этого внутренняя борьба чрезвычайно развита в современных немецких картелях.

Об этой борьбе ярко пишет немецкий ученый Шмаленбах в своем докладе о «скованном капитализме». Разбирая влияние роста постоянных расходов на производство на концентрацию капитала, он пишет, что постоянные расходы не только вынуждают предприятия работать с полной нагрузкой, несмотря на недостаточный спрос, но и производить расширение предприятия, чтобы лучше использовать все оборудование. Замечая далее, что очень часто директора предприятий добиваются от акционеров разрешения на увеличение капитальных вложений, он пишет: «Так как точно так же поступают и другие предприятия в той же отрасли промышленности, то в ряде отраслей образуется чрезмерная производительная способность, которая никогда не покрывается спросом».

Далее он опять пишет: «Даже при плохой конъюнктуре имеются предприятия, которые в целях получения повышенного контингента увеличивают капитальные вложения, строят шахты или коксовые печи. Участник синдиката, увеличивающий таким образом свою квоту, наносит этим вред не себе, а вредит всегда членам синдиката в целом. Таким образом, внутри синдиката все ведет к тому, что производительная способность не приспособляется к условиям рын-

ка, а значительно превышает его емкость».

И, наконец, он заключает: «Еще более нелепо, что не принимает всех мер, чтобы избежать в будущем образования излишков производительной способности. **Временная болезнь превращается в хроническую**».

Эти слова Шмаленбаха ярко рисуют анархичность, неорганизованность современного капитализма, несмотря на существование монополий.

Не менее яркое подтверждение подобной анархии, хаотичности мы наблюдаем на примере Соединенных Штатов. Анархия производства и там приняла форму огромного перепроизводства производственного аппарата. М. Рубинштейн в своей книге «Противоречия американского капитализма» приводит следующие данные, характеризующие это противоречие:

24 проц. угольных шахт Соед. Штатов, работая полное время, могли бы произвести весь потребляемый внутри страны и экспортируемый за границу уголь. В обывной промышленности **14,5 проц.** фабрик с **60 проц.** рабочих, работая полное время, дали бы **95 проц.** производимой и продаваемой обуви. В настоящее время они производят лишь около **20 проц.** того количества, что могли бы дать при полной нагрузке. С нынешним оборотом можно произвести все потребляемое в Соед. Штатах за год количество стали и железа в течение **7 месяцев**, оконного стекла в **4 месяца** и т. д.

Затем он приводит данные, взятые у С. Чэза: производительная способность стальной промышленности превышает нормальную годовую потребность страны на **70 проц.**; металлургические заводы используют лишь около **50 проц.** своей производительной способности 1916 года, металлургические предприятия — около **30 проц.**, цинкоплавильные — менее **50 проц.**, лесопилки — менее **30 проц.** и т. д. во всех без исключения отраслях производства, вплоть до автомобильной.

Характеризуя положение в основных отраслях производства, М. Рубинштейн пишет: «В угольной промышленности при производственной способности свыше одного миллиарда тонн потребление составляет лишь около 0,5 миллиарда. В то же время идет быстрый процесс рационализации производства и не престанут открываться новые шахты... Отметим лишь никем не оспариваемые утверждения ряда буржуазных исследователей, экономистов, сенатских комиссий и т. п., что «угольная промышленность безнадежно больна», «в ней царит полнейший хаос», «200 тыс. горняков являются излишними и должны оставить производство» и т. п.»

«В нефтяной промышленности происходит то же, что в угольной и ряде других. Всюду чрезмерная продукция, в обстановке конкуренции разрушившая прибыли и вызвавшая острые рабочие волнения, которые не могут быть излечены в ближайшем будущем».

Одна экономическая американская газета в июне 1928 года посвящает передовицу «безумству объема» в отдельной промышленности, где утверждает, что «громадные чрезмерные производительные силы металлургии неизбежно вызовут плохие времена... Эта жажда объема является предопределенной и нет возможности сделать что либо для ее ограничения при условиях конкуренции».

«Немногим лучше положение и в машиностроении. В лучшие (1925 — 1926) годы загрузка машиностроительных и инструментальных предприятий составляла лишь около 60—65 проц.»

«С чрезвычайной резкостью сказываются явления перепроизводства в текстильной промышленности... И в то же время продолжается хаотическое строительство новых фабрик и переоборудование существующих» и т. д. и т. д.

Подобные данные об избыточности производственного аппарата в Америке, Германии и Англии приводит Спектатор в статье, помещенной в «Плановом Хозяйстве» № 5 за 1929 г.

Приведем еще свидетельство американцев С. Чэза и Ф. Шлинка:

«При современной финансовой системе (т. е. при современном капитализме И. Б.) все труднее и труднее конечному потребителю поглотить всю производительную способность новых заводов и фабрик. Промышленность оказалась с большим числом машин, с большими фабричными зданиями, чем те, какие она может использовать. Во времена деловых депрессий может быть половина всей мощности оборудования должна бездействовать. Но даже во времена наибольшего расцвета промышленной жизни огромный запас ее не может быть использован. Под нажимом конкуренции промышленные предприятия расширяют мощность своих предприятий. Излишек машин, излишек фабричного пространства, излишек сырых материалов, избыток людей, желающих работать, избыток потребителей изыскивающих от нужды».

Каждый предприниматель считает, что даже, если какие-то заводы должны бездействовать, благодаря недостатку покупательной способности, то почему именно его завод должен бездействовать. Его долг по всем традициям деловых предприятий, состоит именно в том, чтобы другие его товарищи, а не он, имели дело с чрезмерными накладными расходами от простоев. Он должен отталкивать товарищей от рынка, раздувать свой собственный сбыт, понижать, насколько возможно, накладные расходы. Так как большинство деловых людей держится именно такого способа рассуждения, то откуда и получается, что конкуренция все более и более усиливается. Драматически усиливается».

Все приведенные здесь данные убеждают, что об «организованном капитализме» не может быть речи. Монополия не уничтожает анархии производства, но, напротив, необычайно усиливает ее.

Понятно, что такое положение должно вести с неизбежностью к обострению конкуренции. Капиталистическая монополия вообще не уничтожает конкуренцию и не может уничтожить ее. Конкуренция включает в себе стремление к монополии и порождает ее. Монополия же в свою очередь предполагает конкуренцию, производит ее и может существовать постольку, поскольку существует конкуренция. Без конкуренции монополия бессмысленна.

В «Ницете философии» Маркс говорит о соотношении монополии и конкуренции следующее: «В практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их синтез, который есть не формула, а движение. **Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию.** Монополисты конкурируют между собой, конкурирующие становятся монополистами... Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь благодаря тому, что она ведет постоянную конкурентную борьбу» *). Синтез монополии и конкуренции — движение уравновешивает конкуренцию и монополию.

Следовательно, монополистический капитализм не может существовать без конкуренции.

И действительно конкуренция не исчезает в современном капитализме, как это утверждает теория «организованного капитализма», а, наоборот, она чрезвычайно обостряется, меняя только формы своего проявления.

Конкуренция происходит между монополиями и немонополизированной промышленностью; между монополиями в одной и той же отрасли промышленности; между отраслями, изготовляющими заменяемые товары; между всеми монополиями за захват большей доли покупательной способности населения; даже внутри монополий и т. д.

Выше я уже писал о борьбе внутри картелей. Оппоненты, обсуждавшие доклад Шмаленбаха, приводят массу фактического материала об этой борьбе. О ней много также говорит Лифман в своей книге «Картели и тресты». Размеры статьи не позволяют останавливаться на этом более подробно.

Как на примеры борьбы между монополиями можно указать на борьбу

бу Форда с «Дженерал Моторс» и прочими автомобильными фабрикантами, на борьбу железнодорожных компаний с автомобильными компаниями; в Англии районные угольные объединения часто ведут жестокую борьбу между собой; в Германии борются отдельные группы текстильной промышленности, и т. д.

О формах и методах борьбы между отраслями, производящими заменяемые товары и вообще между всеми монополиями за долю покупательной способности населения много пишут С. Чэз и Ф. Шлинк в своей книге «Как растрачиваются деньги потребителя».

Результаты этой борьбы чрезвычайно показательны. Вот данные о доходах и дефицитах фирм и корпораций в Соед. Штатах, приводимые Борилиным в журнале «Мировое Хозяйство и Мировая Политика» № 2 за 1929 год:

	Сумма прибыли была в корпораций	Сумма всех дефицитов	% дефицита к прибыли
1916	8.766	657	7,5
1920	7.903	2.029	25,7
1923	8.322	2.014	24,2
1924	7.587	2.224	30,0

В 1925 году 95 обществ, имеющих свыше 5 миллионов долларов чистого дохода (из общего числа 417.000 обществ), получили 45 проц. всей чистой прибыли промышленности, 39 проц. обществ не получили никакой прибыли.

Эти данные красноречиво говорят, что организованного капитализма, организованного производства и распределения при империализме нет и быть не может. Анархия производства и конкуренция усиливаются и обостряются.

Не уничтожит империализм и кризисы. Колебания производства, репрессивные состояния повторяются очень часто. Об этом можно найти много материала в периодических обзорах международного экономического состояния т. Е. Варги. Ярким подтверждением этому служит начавшийся экономический кризис в Соединенных Штатах.

Все эти внутренние органические противоречия капитализма толкают отдельные империалистические государства на борьбу за внешние рынки сбыта товаров и источники сырья, за сферы приложения капиталов и т. д. Этим самым противоречия капитализма еще более усиливаются.

Вся тяжесть капиталистических противоречий обрушивается на рабочий класс. Положение рабочего класса резко ухудшается. Вынуждаемые острой конкуренцией проводить рационализацию и вообще понижать издержки производства капиталисты проводят это за счет рабочего класса. В результате усиливается безработица почти во всех странах. В Соед. Штатах уменьшается даже абсолютное число занятых рабочих. Благодаря безработице растет неуверенность в работе и занятых рабочих. Кроме того, безработица дает возможность капиталистам увереннее вести наступление на заработную плату.

Даже там, где заработная плата немного повысилась — это повышение не идет ни в какое сравнение с возросшей интенсивностью труда. Ухудшающееся положение рабочего класса вызывает рост революционного движения. Мы теперь каждый день наблюдаем быстрый подъем революционной волны. Классовые бои неизбежно будут нарастать и усиливаться.

В этих условиях становится понятной вредность теории «организованного капитализма». Беря ставку на обострение противоречий между империалистическими странами и связывая перспективы развития революционного движения пролетариата с новой империалистической войной, правые тем самым обезволивают рабочий класс, рождая в нем пассивность.

Вот как оценивает теорию «организованного капитализма» орган Коминтерна:

«Перенесение всей перспективы пролетарской революции на «величайшее обострение конкуренции между капиталистическими странами» означает на практике рабочего движения **обезволивание коммунистического авангарда, пассивность рабочего класса в обстановке как раз нарастающих экономических боев пролетариата и необычайного заострения классовых противоречий между трудом и капиталом.**

«... Так сейчас под флагом «чистого» (планового, без внутренних противоречий) монополистического капитализма скрывается опаснейшая оппортунистическая **пассивность в обстановке нарастающего кризиса капиталистической стабилизации**» *).

Метод Маркса с точки зрения неокантианской философии

(По поводу книги Франца Петри «Социальное содержание теории ценности Маркса»).

Франц Петри принадлежит к числу тех немногих буржуазных экономистов, которые стремятся осветить методологическое содержание теории ценности Маркса, т. е. выявить своеобразную постановку проблем теоретической экономики у Маркса. В связи с дискуссией, ко-

торая ведется в настоящее время в политической экономии, разбор его книги становится особенно интересным и необходимым, так как критика взглядов Петри поможет в достижении положительного эффекта, будет содействовать правильному пониманию диалектич. метода Маркса и его применения в экономическом учении.

В чем заключается, по мнению

Петри, своеобразие Марксовой методологии?

Петри считает, что там, где идет речь о чистом причинном изучении хозяйства, Маркс не внес ничего принципиально нового по сравнению с другими экономистами. В этом смысле нет никакой разницы

*) «Коммунистический Интернационал» № 34—35 за 1929 год.

*) Подчеркнуто мной. И. Б.

между индивидуалистическо-психологическим методом австрийской школы и социологическим методом Маркса. «Субъективная теория не отстает от Маркса в стремлении открыть объективные, независимые от воли отдельных людей и в этом смысле общественные связи. Это нашла наиболее яркое выражение в формулированном Шумпетером принципе взаимной зависимости». С другой стороны, Маркс целиком разделяет с субъективной теорией «автоматическую точку зрения, согласно которой анализ эмпирической общественной жизни всегда ведет к отдельному индивидууму, как конечному элементу»¹).

Нельзя также видеть, по мнению Петри, особенность метода Маркса в том, что он за внешними явлениями конкуренции ищет их скрытые внутренние причины, исследует внутреннюю связь капиталистических отношений производства. Этим еще занималась политическая экономия, начиная с Петти; в лице Рикардо она нашла увенчивающее завершение.

Петри считает, что своеобразие Марксова метода открывается лишь после того, как чисто каузальное изучение реальных явлений ценообразования закончено. Только тогда Маркс начинает «социальный» анализ. Исходя из наблюдаемого на рынке движения вещей (цен и доходов), т. е. итоговых результатов капиталистической конкуренции, Маркс вскрывает «социальный» смысл этих результатов, их значение для отдельных общественных классов. Поэтому постановка проблемы у Маркса имеет не каузальный, а социальный характер, заключающийся в том, что за движением вещей на рынке Маркс хочет вскрыть отношение людей. Последние лежат вне рамок каузального исследования экономических явлений.

Петри опирается здесь на воззрения неокантианства, согласно которым «социальные явления не могут быть полностью познаваемы посредством одного лишь каузального способа исследования, т. е. посредством выяснения причин, его вызывающих и следствий, им вызываемых. Необходимо также вскрыть смысл данного социального явления, значение его, как средства для осуществления определенных целей, как звена в ряду явлений, связанного с другими явлениями не каузальной, а телеологической связью»²).

Исходя из вышеуказанного взгляда Петри считает, что Марксова система проникнута методологическим дуализмом, что она основана на «нестественном сочетании» идеалистической философии Гегеля с материалистическими и естественно-научными в соединении каузального объяснения явлений стоимости и цен с «культурно-научной тенденцией», которая хочет анализировать явления стоимости и цен со сто-

роны их социального содержания, вести «общественную» точку зрения. Петри называет учение Маркса двуликим Янусом, один лик которого обращен к генетическому методу, а другой лик к методу критическому. С одной стороны Маркс дает причинное исследование капиталистического общества, с другой — он хочет понять их «социальное содержание».

Оставляя в стороне каузальную часть метода Маркса, Петри ставит себе целью осветить критическую или социальную сторону его. Петри сам понимает односторонность такого подхода, но оговаривается, что в его задачи входит не изучение теории стоимости в целом, а лишь рассмотрение особенностей метода Маркса, как критического и социального.

Для того, чтобы стало понятно, в чем неправ Петри с точки зрения материалистически-диалектического метода, мы считаем нужным остановиться на последнем несколько подробнее.

Гегель выражает диалектику следующими словами: «Единственная вещь, необходимая для того, чтобы делать научные успехи и о понимании которой — понимании весьма нетрудном — надо серьезно стараться, это — уразумение логического положения, что отрицательное в такой же мере положительно, или что противоречивое разрешается не в нуль, не в абстрактное ничто, а только в отрицание своего особого содержания... Так как то, что получается в результате, отрицание, есть отрицание определенное, то оно имеет содержание. Оно представляет собой новое понятие, но понятие более высокое, более богатое, нежели предшествующее, ибо оно обратилось в его отрицание или тем, что ему противоположно; таким образом, оно содержит его, но содержит нечто большее, и есть единство его и его противоположности... Один из основных предразсудков прежней логики и обычного представления состоит в том, что противоречия будто бы не есть столь существенное и имманентное определение, как тождество»¹).

Маркс воспринял Гегелеву диалектику, поставил на ноги, вещь и человеческая деятельность стали первоначальным и существенным базисом, на плечах которого воздвигается идея.

Давая характеристику своего метода во введении «К критике политической экономии», Маркс подчеркивает: «Экономисты 17 века начинали всегда свои исследования с анализа конкретного целого: с нации, государства, внешней торговли и т. п. Но подробный разбор этих явлений показал, что они очень сложны и привел в конце концов к простым абстрактным отношениям, к общим понятиям и определениям, к отдельным определенным моментам, к простым экономическим теориям. Такие понятия, как меновая ценность, явились продуктом долгих исследований именно реальных общественных отношений. Раз

эти простые экономические категории были найдены, задача науки заключалась в том, чтобы из отдельных определений общих понятий воспроизвести конкретное (!). Маркс считает сушностью научного метода восхождение от абстрактного к конкретному, он считает такой путь методом, при помощи которого научное мышление усваивает себе и воспроизводит конкретное. Отличие марксова метода от метода Гегеля заключается в том, что последний воспроизводимое мышлением из абстрактного считал результатом самого мышления, для Маркса же этот логический процесс отнюдь не был процессом происхождения самого конкретного. Маркс, поэтому, никогда не забывал, что объектом исследования остается общество, всегда оставался на общественно-материалистической точке зрения, он никогда не забывал исторического процесса возникновения конкретного и всегда подчеркивал общественно-историческую сторону экономических категорий.

Можно ли после этого утверждать, как это делает Петри, что марксова система проникнута методологическим дуализмом? Можно ли отбросить, подобно Петри, каузальную сторону метода Маркса, изучать лишь его социальную сторону? Конечно нет.

Диалектический метод, как мы его излагали, ссылаясь на указания Гегеля и Маркса, исключает противопоставления социального метода каузальному. У Маркса изучение производственных отношений входит в рамки каузального исследования экономических явлений. Маркс изучает производственное отношение людей, как реальное явление, вытекающее из развития производительных сил на определенной исторической ступени развития общества. Следовательно, не отношение людей, которые связаны друг с другом, как «свободные, целопологающие субъекты (так думает Петри), не идеальное отношение людей, как субъектов, а реальное отношение зависимости между людьми.

Петри, вырывая производственное отношение людей из рамок действия каузального принципа, лишает тем самым идеальной их основы, отсюда естественно у него возникает вопрос: «Каким образом можно меновое отношение, которое кажется количественным отношением вещей друг к другу, представить как общественное производственное отношение между людьми». Для этого, отвечает Петри, у Маркса служит теория стоимости. Это не закон стоимости, вытекающий из эмпирических явлений обмена, а «идея ценности», априорная точка зрения, служащая для перехода от обмениваемых вещей к человеческой личности, т. е. «в продукте труда воплотилась часть человеческой личности; кто получил в собственность — безразлично каким путем — подобную потребительную стоимость, тот располагает также косвенно продуктом человеческой деятельности, а следовательно самим человеком».

По мнению Петри, «акцептирование» (подчеркивание) труда Марк-

¹) Франц Петри «Социальное содержание теории стоимости Маркса», стр. 88.

²) Рублин. «Новейшие экономисты на Западе».

¹) Гегель. «Наука логики». Введение.

сом есть тот «исключительной ценности акцент», который немецкий философский идеализм придает человеку, как волящему субъекту, в противоположность материальной природе»¹⁾.

Теория трудовой стоимости у Маркса это то же, что «учение Канта о примате практического разума, которое с несравненным особым ценностным акцентом выделяет из всей природы человека и человеческие отношения»²⁾.

Следовательно, конструкция трудовой стоимости у Маркса резко отличается от каузальной конструкции трудовой стоимости у Рикардо.

Всем этим марксовой теорией стоимости дается идеалистическая интерпретация.

Исходя из такого идеалистического понимания, Петри считает, что понятие «абстрактно-общественного» труда тоже не служит у Маркса средством обобщения реальных явлений товарного хозяйства, реальных производственных отношений товаропроизводителей, а средством анализа идеальных общественных отношений между субъектами права, как абстрактными человеческими личностями. «Всеобщность или равенство труда обозначает для Маркса не общий естественный характер разных человеческих работ, коренящийся в их одинаковой органической основе, а идеальное правовое равенство»³⁾.

Петри подходит к марксовой теории с предвзятой идеалистической точкой зрения и переносит в нее враждебный ей риккардовский взгляд на социальную науку, превращая насковозь реалистическую систему Маркса в метафизику.

Маркс в первой же главе 1-го тома «Капитала» старается выяснить характер труда, создающего меновую ценность, и показывает, что таким является одинаковый абстрактный общественный человеческий труд, а не конкретный полезный труд, расходуемый в определенной целесообразной форме. Конкретный труд — вечная необходимость, им обуславливается жизнь. Абстрактный труд отличается от конкретного своей историчностью: он проявляется в обществе, где обмен индивидуальных продуктов труда частных лиц является началом, связывающим общественный труд (письмо Маркса к Кугельману). Здесь ясно видно, что речь идет не об идеальном правовом равенстве каких-то абстрактных человеческих личностей; здесь ничего не «примышляется» познающим

субъектом извне, а извлекается исследователем из самих реальных явлений. Объектом изучения является не человеческая личность вообще, а трудовые отношения людей товарно-капиталистического общества.

Различие в понимании «социального» у Маркса и у Петри заключается в том, что у последнего оно сводится к простому противопоставлению и в то же время уравниванию человеческих личностей; для Маркса же человеческая личность является пустой абстракцией, она становится реальностью только выступая в качестве члена того или иного общества; само же общество есть производящий коллектив. Лишь производство, процесс труда создает общество и тем самым производит и самую личность, как часть этого целого. Вне материального производства жизнь не может быть социальной. Этого Петри, как неоканьянец, понять не мог.

Теперь мы уже можем указать, в чем отличие марксовой школы от классиков, вульгарных экономистов и австрийцев. Отличие Маркса от вульгарных экономистов правильно отмечает Петри. Оно заключается в том, что вульгарные экономисты, начиная с Сэя, занимались исследованием внешней видимости конкуренции, а Маркс исследовал подобно классикам внутреннюю связь капиталистических производственных отношений. Но не прав Петри, считая, что там, где идет речь о чистом причинном изучении хозяйства, Маркс не внес ничего принципиально нового. Отличие Маркса от Рикардо заключается в том, что если англичане (Рикардо) превращают людей в шляпу, немец (Гегель) превращает шляпу в идею («Нищета философии»), то Маркс под этой шляпой открыл человека. Это он показал в учении о товарном фетишизме. Классическая школа рассматривала экономические категории, как отношение между вещами, индивидуалистически психологическая школа эти отношения видела между людьми и вещами. Маркс их видел, как отношения между людьми, принявшие форму вещей. Не отношение между вещами, но вещное выражение производственно-трудовых отношений людей. Для классиков общественные отношения людей вечны и заранее даны, для Маркса они историчны и требуют изучения в каждой конкретно-исторической общественной обстановке.

Петри считает, что об историчности категорий знал и Родбертус; к последнему скорее, чем к Марксу, примкнули Вагнер, Диль и др. Но Петри упускает самое суще-

ственное: историческое у Родбертуса лежит вне хозяйства, в правовых отношениях. Хозяйство представляется при этом чем-то пассивным, оно претерпевает изменения только с изменением права.

Правда, и у позднейших представителей буржуазной политической экономии (у Ричарда Джонса) мы находим выражение, что и «изменением материальных производственных сил изменяются экономические отношения, а с ними социальное, моральное и политическое состояние нации» (слова Джонса). Но Маркс не только это констатировал, но и показал, как этот процесс происходит, он выявил имманентно-присущие капиталистическому обществу противоречия. В качестве наследника идеалистической немецкой философии и воспитанника материалистов XVIII века, он (Маркс) владеет чуждым классической экономии диалектическим материалистическим методом; в качестве гегельянца и историка, прекрасно знакомого с трудами историков эпохи реставрации, он стоит не только на общественной точке зрения, но и на теории борьбы классов, на исторической общественной-классовой точке зрения (в противоположность Рикардо, проникшему еще индивидуализмом и знавшему лишь классовое строение буржуазного общества)...

И Лассаль, который хорошо знал своего учителя Маркса, знал, что в состоянии делать гений последнего, не ошибся, когда в ответ на сообщение Маркса, что он готовит в печати большой труд о политической экономии, написал ему (в 1851) «что он с нетерпением ждет появления «трехтомного детища», где Рикардо станет социалистом, а Гегель экономистом, потому что то и другое ты соединяешь и должен будешь соединить в себе».

Все критики «теории ценности» Маркса не были в состоянии понять марксовой диалектики. Неудивительно поэтому, что они всегда впадали то в одну, то в другую крайность. Бем-Баверк и Уифман называли теорию ценности Маркса технической или механической, между тем как она по своему существу — общественная. Наоборот, Штольцман и Петри признают плодотворность «социального» метода у Маркса, понимая производственные отношения людей в идеалистическом смысле. Как первые, так и последние разрывают тесную связь, существующую между производственными отношениями людей и развитием материальных производительных сил. Эту связь в состоянии понять только диалектики.

Г. Шульман.

1) Там же, стр. 60.

2) Там же, стр. 20—21.

3) Там же, стр. 24.

Л. Спокойный

О спорных вопросах доклада т. Михайлова

(В порядке обсуждения *)

Настоящая статья написана по поводу вопросов, затронутых в докладе тов. Михайлова «Методологические предпосылки политической экономии». Быть может, она в своих выводах не расходится с докладом. Я не берусь об этом судить, ибо стенограмма доклада, с которой мне пришлось иметь дело, не проверена и весьма возможно, что тов. Михайлов изменил бы в ней многое, поэтому я лишь пытаюсь высказаться по затронутым в докладе вопросам; имеюся ли у меня с тов. Михайловым расхождения, это выяснится в предстоящей дискуссии, устраиваемой кружком экономистов.

I.

Никакое качество ни в каком смысле не сводимо к количеству. Верно, что смешно объяснять сон действием снотворной силы, теплоту действием «теплорода» и т. д. и т. д. Из этого еще вовсе не следует, что качество в каком-то смысле сводимо к количеству. Объяснить всякое качество значит выяснить, с одной стороны, его специфичность, отличающую его от всех других качеств, а с другой стороны, показать, как это качество возникло, из чего. Быть может, скажут: вот тут-то вы и вынуждены свести качество к количеству. Ничуть не бывало. Всякое качество возникает из другого качества, в результате его (другого качества) количественных изменений. Поэтому никакое качество не возникает и не может возникнуть из чего-то бескачественного. Стало быть, никак нельзя думать, что когда химия стремится найти минимальное количество элементов, то будто бы качество сводится к количеству.

Если же признать, что открывая некоторые простейшие элементы мы совершаем такое сведение, то тогда уже, во всяком случае, следует отказаться от разговора о качествах. Из простого бескачественного никакими чудесами не может получиться сложное качественное. Сказав «а», надо говорить и «б», и прямо зачисляться по ведомству механистов.

II.

Предполагает ли логическое умозаключение, что посылки должны иметь больший объем, чем вывод, из них логически вытекающий. Думаю, что это вовсе не обязательно.

Из категории качества мы приходим к категории количества, а от обеих этих категорий в дальнейшем — к мере. Разве понятие качества есть понятие, более широкое по объему, чем понятие количества. Если бы это было так, то возможны были бы такие специфические качества, которые не предполагали бы

количественных изменений. Таких качеств нет.

Думается, что требование большего объема посылок имеет смысл лишь для формальной логики с ее пониманием рода и вида. Родовое понятие, анализируемое формально, оказывается непременно шире по объему и беднее по содержанию, чем видовое.

По существу, с точки зрения диалектики, такая постановка вопроса бессмысленна. Общее понятие есть понятие содержательное; его «общность» заключается в возможности выведения из него. Чем оно общее, тем вывести из него можно больше. Совсем не обязательно, чтобы истина вывода имела бы сравнительно меньший объем, чем истина посылок. Понятие производительных сил, мы выводим из анализа понятия общества. Тем не менее общества без производительных сил не бывает.

Таким образом, положение о том, что абстрактный труд присущ всякому обществу, нельзя, во всяком случае, аргументировать тем, что если бы абстрактный труд был только в капитализме, то им нельзя было бы объяснять товар или стоимость.

III.

Представляют ли производительные силы, если их брать как отношение общественного человека к природе, явление чисто энергетического порядка, качественно не отличающееся от прочих природных явлений? По моему — нет, не представляют. Хотя бы потому, что производительные силы есть некоторое единство, нечто целое. А целое ведь не сводится к сумме частей. В организме тоже нет ничего, кроме органов. Тем не менее организм качественно отличен от неорганической природы. Точно также производительные силы, именно, как силы человека, действующие на природу, уже есть нечто качественно специфическое, нечто социальное. Напрасно думают, что социальная закономерность начинается лишь там и лишь постольку, где и поскольку производительные силы соприкасаются с производственными отношениями. Производительные силы и сами тоже социальны. Расстановку людей в производстве отнюдь нельзя понимать вместе с Бухариным, как расположение в пространстве. Расстановку людей в производстве есть уже система отношений, система социальных связей, известная форма разделения или хотя бы соединения труда. Иначе говоря, производительные силы необходимо включают в себя рабочую силу; а эта последняя уже предполагает технические производственные отношения — уже тем самым производительные силы изводимы к энергетике. Но даже и взи, поскольку они входят в состав производительных сил, суть уже

не только материальные объекты, явления природы; они сами суть силы человека. В качестве таковых они суть элементы социальной среды. Наконец, сам процесс труда, как процесс между человеком и природой, есть целесообразный процесс. Но в качестве целесообразного процесса он есть нечто специфически социальное. Таким образом, люди социальны не только в отношениях между собой, они социальны и в своем отношении к природе.

IV.

Вышеотмеченные особенности производительных сил далеко не всеми усвоены. Так Рубин, считая, что предметом политической экономии являются производственные отношения, дает повод к обвинениям по его адресу в отрыве производственных отношений от производительных сил. Обвинения эти весьма сумбурны, мало вразумительны, но они имеют свое психологическое объяснение. Дело в том, что когда Рубин говорит об особой науке, долженствующей изучать производительные силы, он, повидному, имеет в виду что-то вроде технологии. Что эта наука по своему существу должна быть одной из социальных наук, этого Рубин не подчеркивает. Отсюда проистекают недоразумения.

Совершенно верно, что политическая экономия изучает именно производственные отношения. Чтобы форма была не пуста, а содержательна, вовсе не нужно изучать содержание, кроме формы. Ведь это требование — чтобы политическая экономия кроме производственных отношений изучала еще и производительные силы, говорить о безнадёжной метафизичности мышления тех, кто это требование предъявляет. Форма включает в себя снятое в ней, в форме, содержание. Именно так понимаемая форма является особым предметом изучения. Но так как и у Рубина, как и у его противников, не ясно, что само содержание социальное, то создается впечатление, что форма, поскольку она рассматривается как социальная форма, не включает в себя содержание, но оторвана от него.

V.

Если бы производительные силы были только природно-энергетическим явлением, то социальная форма была бы для них чем-то случайным. Они бы могли ее иметь, могли бы и не иметь. Большинство наших теоретиков-марксистов так именно мыслит. В коммунистическом обществе никаких социальных отношений с точки зрения, так мыслящего большинства, нет. Остаются только отношения людей к природе. В таком случае социальные отношения, как таковые, отождествляются с отношениями капиталистического об-

*) Настоящая статья написана до продолжения доклада тов. Михайлова. Ред.

щества. Наиболее последовательно изложил эту точку зрения, как известно, Солдцев. («Введение в политическую экономию»).

Я думаю, что вся эта точка зрения есть весьма крупное заблуждение. Производительные силы, рассматриваемые сами по себе, уже социальны. Но поэтому и опосредствование их в социальных отношениях, в отношениях **между людьми** для них не случайно, а необходимо. В коммунизме производительные силы не могут стать бесформенными производительными силами. Общественная собственность на средства производства не есть **только** отрицание частной собственности. Как и всякое отрицание, она есть **определенное** отрицание, и, следовательно, есть некоторое положительное отношение.

Отсюда нужно заключить, что социологические категории, относясь к обществу, как таковому, применимы в частности и к коммунистическому обществу. Тов. Михайлов же правильно понимает, что в коммунистическом обществе должны найти себе место социальные отношения. Но ему не хватает правильного понимания социологических категорий. Поэтому он придает универсальное значение категориям экономического, и в роли категории, необходимой для всякого общества, у него выступает категория абстрактного труда.

Между тем—это категория политической экономии. Правда сейчас спорят о том, должна ли политическая экономия изучать только капитализм, или она может изучать любую общественную форму. Какая бы

из этих двух точек зрения ни была правильна, несомненно одно: фактически до сих пор нет никакой другой политической экономии, кроме той, которая изучает именно только капитализм. Хотя бы кто-нибудь, попробовал показать, что еще могут быть на свете за политические экономии!

Абстрактный труд тоже есть категория политической экономии, изучающей капитализм. Поэтому я полагаю, что тов. Михайлов, отыскивая ключ к социальным отношениям коммунистического общества, попал не по адресу. Адресоваться нужно было к социологии, а не к политической экономии.

Г. Гурари

К спорам о предмете политической экономии *

(В дискуссионном порядке)

Можно было бы так сформулировать суть нового поворота мысли т. Иванова: интерес обсуждаемого вопроса сосредоточен, прежде всего, в области взаимоотношений **вещной формы и социального содержания**; и вот как-раз в тот момент, когда все более ясно обнаруживалось, что образование внешних форм социальным содержанием товарно-капиталистического общества есть в то же время и принятие социальных форм его материально-техническим содержанием и, что, следовательно, познание второго мыслимо лишь как изучение первого отношения — в этот момент тов. Иванов переключает рассуждение исключительно на это второе соотношение. Тем самым специфичность капитализма, о которой, так хорошо рассказано у тов. Иванова, начисто отсечена от живого тела экономической науки.

И теперь уже не трудно доказать, что производительные силы вовсе не только предпосылка. Для науки, изучающей «чистую связь производительных сил и производственных отношений вне ее исторической формы», понятие производительных сил — основное, **предметное** понятие; в **такую** науку процесс труда войдет отнюдь не как предпосылка. Но, что это за наука? Неудачно было бы назвать ее «научкой об обобществленной технике» — с этим термином, как впрочем и с рядом других, Рубину не повезло. «Немногие, имеющие применение к производству и обмену вполне всеобщие законы «изучает» **политическая экономия в широком смысле**» *). В трудах Маркса мы имеем огромный материал для этой науки. Но и до сих пор вполне современным является замечание Энгельса, что «такая политическая экономия в широком смысле этого слова еще должна быть создана» 5). Та же по-

литическая экономия, которая «сделалась достоянием истории, представляет собой научное рассмотрение экономических вопросов в период **капиталистического** производства» 6). И для этого выделения изучения товарно-капиталистических производственных отношений в особую дисциплину существуют глубокие основания. Именно: «в капиталистическом производстве — следовательно, в его теоретическом выражении в политической экономии» 7), мы имеем дело не с **непосредственно общественными** отношениями самих лиц и их работ, а, напротив, с **вещественными** отношениями лиц и общественными отношениями вещей» 8). Это-то и дает реальную пищу политической экономии в узком смысле слова, так как единственное оправдание ее, существование заключается в **капиталистическом** объекте исследования, а «овеществление общественно производственных определений и олицетворение материальных основ производства и является **характерной особенностью** всего капиталистического производства» 9).

Вопрос можно считать выясненным: марксистская политическая экономия специфическим объектом своего исследования имеет систему овеществленных производственных отношений товарно-капиталистического общества. Ее, следовательно, интересует не голая связь «производственных отношений и их материально-технического содержания, а тот чрезвычайно своеобразный способ установления той связи, при котором сама экономическая структура буржуазного общества служит глубоко скрытым **социальным** содержанием вещных форм производства и обмена. И обратно—задачей марксиста в политической экономии отнюдь не является просто дедукция из текущих закономерностей процесса труда—его общественной формы;

напротив, он обнаруживает, что **социальное** оформление труда в товарном обществе дано лишь через **вещную** кристаллизацию его общественных определений. Иными словами, «он исследует **внутреннюю** связь экономических категорий или скрытое строение буржуазно-экономической системы».

Подведем итоги. Выступление тов. Иванова следует оценивать, как весьма хорошо подготовленную критику Рубина. Его стратегия, например, много тоньше, чем у рубящего с плеча Бессонова. Но тем печальнее картина полной логической неслаженности, которая вскрывается, когда вдуматься пристально в общий ход доказательств в обсуждаемой статье. Тезисы тов. Иванова очень сильны каждый в отдельности, но стоит столкнуть их друг с другом, и все здание рассыпается в прах.

Иванов сперва от общих определений перешел к словословию специфичности. Далее, обретенная — при посредничестве никого иного, как Рубина—специфичность послужила лишь поводом возвращения к общей связи производительных сил и производственных отношений. Еще через абзац это последнее неожиданно оказалось настоящим предметом политической экономии. Стоит ли после этого удивляться, если в заключение своей статьи тов. Иванов как раз из этой общей бесформенности выуживать всемогущую специфичность??

Связь производительных сил и производственных отношений оказывается монополей капитализма. В коммунистическом обществе—да и в СССР, повидимому,—они будут разложены по ящичкам в специальной изоляционной упаковке, в чем вероятно и выражается специфичность **организованного** хозяйствования...

После этого, пожалуй, больше говорить не о чем.

*) Окончание. См. № 2 «За воинствующий марксизм».

Ю. Федоров

О применении диалектики к частным наукам

(По поводу книги Кушина „Диалектическое строение „Капитала“ Маркса“)

Углубленное изучение капитала Маркса показывает с полной ясностью, насколько важным является применение метода диалектического материализма к исследованию экономических форм капиталистического общества. Не даром Ленин в своем конспекте «Науки логики» Гегеля пишет, что «нельзя вполне понять „Капитал“ Маркса и особенно его первой главы, не проштудировав и не поняв всей „Логики“ Гегеля» (9-й ленинский сборник, стр. 199). Вполне понятно поэтому, почему сейчас возрастает стремление к философскому освоению «Капитала», стремление осознать метод, который лежит в основе системы Маркса. Осознание метода дает возможность понять внутреннюю диалектику самодвижения содержания науки, а потому делает понятным целостность, единство, внутреннюю спаянность научной системы.

Поэтому книга И. А. Кушина, имеющая столь многообещающее название, привлекает к себе усиленное внимание и возбуждает надежду на помощь в трудном и новом деле изучения внутренней структуры «Капитала». Однако, к сожалению, содержание книги не соответствует ее названию.

Книга, несомненно, написана талантливо, некоторые главы очень интересны, но все же эта книга служит примером лишь того, как не следует применять диалектику к изучению частной науки.

Мы не можем останавливаться на отдельных положениях автора; отметим только общие выводы.

Основным коренным недостатком книги является абстрактный способ применения законов диалектического материализма к осознанию экономического материала. Автор как бы извне, со стороны прикладывает диалектические законы к экономическим явлениям, а не обнаруживает, не вскрывает диалектическую сущность этих явлений внутри их собственной природы. Такой формальный прием никак не может быть назван диалектическим. Диалектика отличается от формальной логики прежде всего своим конкретным характером. С точки зрения диалектики, общие законы не существуют сами по себе, самостоятельно, а действуют всегда в специфических конкретных формах. Общее выражает сущность конкретных явлений, но сущность может быть сущностью только проявляя себя, т. е. существуя, как

многообразный мир единичных явлений. Вот эту-то диалектику общего-частного-единичного и не понял Кушин. Общие законы диалектики он просто прибавляет к законам экономическим, а не показывает, что само по себе развитие экономических форм совершается диалектически.

Из этого основного дефекта в методе Кушина вытекают остальные недостатки книги. Во-первых, Кушин не показал самодвижения содержания «Капитала». Все переходы одной категории в другую только с первого взгляда могут показаться диалектическими. Диалектика Кушина носит внешний, поверхностный характер и часто является скорее остроумием, чем научным методом. Автор забывает, что все экономические формы, отражаемые в категориях, имеют свое внутреннее содержание, что они являются определенными формами общественного процесса производства, а потому их диалектика есть диалектика капиталистического способа производства. Поэтому совершенно прав И. И. Рубин, который обвиняет Кушина в том, что он «не показывает нам реального эквивалента переходов категорий друг в друга, т. е., что он не раскрывает диалектических переходов в самой реальной действительности». (Предисловие).

Внешний характер перехода одной категории в другую определяет и второй крупнейший недостаток работы Кушина. Само-движение тем отличается от вынужденного движения, что переход от одной стадии развития к другой совершается с внутренней необходимостью, а потому высшая ступень развития включает в себя пройденный этап и, обогащенная, движется дальше. У Кушина переход одной категории в другую происходит не вследствие развития содержания этой категории, а по принуждению самого автора. Поэтому новая категория оказывается по содержанию столь же бедной, как и ей предшествовавшая; никакого обогащения, развития категорий нет. Категории, переходя друг в друга, остаются по сути дела на месте. А между тем, все движение категорий у Маркса в «Капитале» происходит от наиболее абстрактных и бедных категорий ко все более и более наполненным содержанием понятиям, доводя познание экономической структуры капиталистического общества до мыс-

ленного производства конкретной действительности.

Наконец, в-третьих, внешнее применение диалектики приводит автора к искривлению в понимании самих законов диалектики. Если бы Кушин выявлял внутреннюю диалектическую сущность экономических форм, то он не мог бы притти к такому, например, странному применению закона перехода качества в количество и обратно, которое у него имеется в III главе. Он по существу понимает дело таким образом, что сначала происходит переход качества в количество, а потом количественные изменения, достигнув известного размера, переходят в качественные различия.

Переход качества в количество и количества в качество Кушин отрывает друг от друга и превращает в два самостоятельных процесса; поэтому, много говоря о взаимопереходах качества в количество и обратно, автор совершенно ничего не говорит о мере, т. е. об единстве качества и количества. На самом деле переход количества в качество и качества в количество не два различных процесса, а две стороны одного и того же единого процесса-скачка. Например, в пролетарской революции происходит не только разрешение внутренних противоречий капитализма, т. е. не только происходит переход количества в качество, но одновременно устанавливаются новые количественные законы развития производительных сил, происходит переход качества в количество (ср. с этим: Кушин, стр. 171—172). Переход количества в качество означает в то же время переход качества в количество.

Таким образом, книга тов. Кушина, вследствие внешнего, абстрактного применения диалектики, не дает нам выявления строения «Капитала» Маркса. Содержание «Капитала» выступает в результате «диалектики» автора не в виде монолитного внутренне связанного целого, а в форме бесконечного и скучного, не обогащающего наше знание, многообразия разных категорий, которые переходят друг в друга, но не находят себе определенное положение, места в структуре капитализма.

Изучаем диалектический материализм

Студенчество нашего ин-та помнит, как весной, перед разездом на каникулы, газета „Товарищ“ развернула кампанию за усиление борьбы на идеологическом фронте, за изучение философии, за мировоззрение пролетариата—диалектический материализм. Я хочу осветить, что сделано в этой области и какие мы имеем затруднения.

О работе кружков.

Много времени и сил затрачено на организацию кружков для изучения диалектического материализма. Сейчас мы имеем 4 кружка.

На физ.-мех. ф-те организован в января 29 года («диалектика природы»). Он является первой ласточкой и немногочисленен—объединяет всего 20 чел. Занятий было 6—рассматривались темы: «Диалектика развития мира», «Проблема закономерности», «Философия и естествознание», «Диалектика и физика» и т. д.

В основу программы кружков положены «Программы семинарских занятий по курсу: «Введение в историю философии естествознания» для студентов 4-го курса физмата МГУ на 1928/29 уч. год». («Под знаменем марксизма», № 12, за 28 год). Эти программы несколько изменены только для кружка при ГФТРИ.

На одном из занятий кружка (самом многочисленном и оживленном по прениям), где стоял доклад проф. Ширвиндта «Диалектика и физика», выявилась необходимость организации самостоятельного кружка для работников ГФТРИ и ГФЛ, который и был создан.

Кружок при ГФТРИ. Многочисленный по посещаемости, где активно участвуют и научные сотрудники, и работающие там студенты и вообще часть студентов физико-механиков. Посещаемость его в среднем 30—40 чел. Прения всегда оживленные и интересные, ибо хотя не совсем правильно и умело, но делаются попытки применить диалектический метод в физике (в понедельник 16/XII—29 года принимал активное участие крупный ученый датский физик Эренфест, который сказал, что он боится реальности как «бешеный собака», но его выступления показали, что он стихийный материалист диалектик). Всего проведено 8 занятий под руководством Шейна и Горюштина (с января 30 г. будет принимать участие проф. Ширвиндт). Этот кружок должен стать опорным пунктом для подготовки научных кадров, владеющих диалектическим материализмом.

Кружок химиков. Организовался весной и насчитывает 20—25 человек. Провели всего три собрания (одно организационное). Главное затруднение кружка—нет руководителя.

Имеем требования со стороны электро-механического ф-та, где около 30 человек тоже хотят изучать диалектический материализм.

Темпы и руководство.

Как видите, тяга студенчества к изучению философии марксизма растет таким темпом, что ни ячейка, ни Ленинградский ОВМД пока не могут достаточно удовлетворить запросы, главным образом по ру-

ководству. До сих пор мы черпали силы извне—надо искать внутри. Партком нашего института должен бросить на этот головной участок борьбы на идеологическом фронте часть лучших сил, чтобы темпы работы не снизились до черепашьего шага. Сейчас эта работа начинает проводиться методами социалистического соревнования, что еще ускоряет рост кружков. Как же быть?

Самостоятельность и самообразование.

В кружках—прежде всего от ОВМД—надо добиться скорейшей организации: консультаций, заочной помощи, более частого обследования работы в ячейке содействия и кружков и чаще устраивать доклады на общих собраниях ячейки содействия, которые следует посещать и членам кружков. Ход всей работы должен быть под наблюдением всей общественности института, а потому надо усилить освещение текущей работы кружков и ячейки, что не делают наши студкоры. Надо отметить, как одно из достижений, организацию листка «За воинствующий марксизм!», где пока мы имеем преимущественно материал от кружка экономического факультета. Ближайшая задача—вовлечь еще ряд сотрудников, которые освещали бы вопросы философского порядка, связанные с естествознанием. Эти мероприятия приблизят листок к основной массе студенчества нашего института.

Агафонцев.

Отв. редактор: РЕДКОЛЛЕГИЯ.